

V.P. Shienok, doctor of law, professor, professor of the chair of criminalistics of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

SUMMARY AND PRINCIPLES OF METHODOLOGICAL VALUE

Essential attributes of law and their value in regulation of human and social behaviour are considered in the article. It is suggested to determine attributes of law in wide (global) and narrow (formal legal) sense of this term. The existence of general strategic purpose of human life is grounded and, ideally, law and state should support the people to attain this general strategic life purpose. It follows that the main principle of law is reasonability, i. e. regulation of human behaviour from the point of maximally full application of his/her possibilities, creation of necessary terms for search, realization and attainment of the common strategic purpose of human life.

Keywords: law, principles of law, essence, methodology, world-view, legislation, common strategic purpose of human life, reasonability.

УДК 342:340:001(470)

М.А. Юрочкин, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса филиала Российского государственного социального университета в г. Минске Республики Беларусь

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА
В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ**

Первые идеи правовой государственности появились в античном мире, в теоретическом же плане данные доктрины сформировались в период перехода от феодализма к капитализму и возникновения нового строя.

Ключевые слова: юридическая наука, правовое образование, античные государства, римское право, античное наследие, правовое государство, гражданское общество.

История философско-правовых учений о правовой государственности включает богатый арсенал идей и концепций, без знания которых невозможны сколь-нибудь серьезная современная теоретическая разработка и практическая реализация идей правового государства.

При всей своей новизне теоретические концепции правовой государственности опирались на опыт прошлого, на достижения предшествующей социальной, политической и правовой теории и практики.

Значительное влияние на формирование теоретических представлений, а затем и практики правовой государственности оказали политико-правовые идеи и институты Древней Греции и Рима. Различные аспекты античного влияния на последующую теорию правового государства группируются прежде всего вокруг справедливости устройства полиса (античного города-государства), его власти и его законов, разумного распределения полномочий между различными органами государства, различение правильных и неправильных форм правления, определяющей роли закона в полисной жизни и во взаимоотношениях государства и гражданина, взаимосвязи права и государства, значения законности как критерия классификации и характеристики различных форм правления и т. д. [1, с. 14]. Уже в древности сформировалась идея о разумности и справедливости такой политической формы общественной жизни людей, при которой право благодаря признанию и поддержке власти становится властной силой (общеобязательным законом), а публично-властная сила (с ее возможностями насилия и т. д.), признающая право, упорядоченная, следовательно ограниченная, правом и одновременно оправданная им, – справедливой (соответствующей праву) государственной властью. Указанную идею единения силы и права в организации Афинского государства на демократических началах сознательно проводил в своих реформах уже в VI в. до н. э. Солон [2, с. 56–57].

Мысль о том, что государственность возможна лишь там, где господствуют справедливые законы, в своих работах последовательно отстаивали Сократ, Платон («Государство») и Аристотель («Политика») [1, с. 16]. Так, Аристотель отмечал, что во всяком государственном строе имеется три элемента: первый – законосовещательный орган о делах государства, второй – магистратуры, третий – судебные органы. Эти три элемента, по его оценке, составляют основу каждого государства, и «само различие государственного строя обусловлено различной организацией каждого из этих элементов». Однако при всей своей значимости эти мысли Аристотеля еще не содержат концепции разделения властей в духе теории правового государства.

Для последующей теории разделения властей скорее значимы те положения античных мыслителей, в которых речь идет о различении «правильных» (с господством правовых законов) и «неправильных» (произвольных) форм правления и о «смешанной» форме правления. Ее преимущество видится им в сочетании достоинств простых «правильных» форм правления, верная комбинация и соотношение которых обеспечивают не только стабильность политического строя, но и его соответствие требованиям права, справедливую меру и разумную форму участия всех основных слоев свободного населения в государственной жизни и отпращивании общегосударственных функций.

С точки зрения теории разделения властей развита концепция смешанного правления в разработке Полибия. Отмечая наличие смешанного правления в Спарте, Карфагене и Риме, он выделяет такое преимущество этой формы, как взаимное сдерживание и противодействие друг другу составляющих ее элементов, что в целом позволяет достичь надлежащей стабильной организации политического строя [3, с. 126].

Государство в трактовке Цицерона предстает не только как выражение общего интереса всех его свободных членов, что было характерно и для древнегреческих концепций, но и как их согласованное правовое общение [3, с. 127].

Идеи античных авторов по затронутому кругу проблем оказали заметное влияние на последующие концепции разделения властей.

Средневековая политико-правовая мысль сыграла важную связующую роль между идеями античности и Нового времени, в том числе в плане теоретической подготовки основ для последующих учений о неотчуждаемых естественных правах человека, о разделении властей, о представительной системе и правовой государственности вообще. Показательны в этом смысле политико-правовые воззрения такого авторитетного представителя средневековой теологии, как Фома Аквинский. В новых условиях он с христианских позиций развивал политико-правовые идеи античных авторов, прежде всего Аристотеля.

Согласно Фоме Аквинскому, естественный закон помимо стремления к самосохранению и продолжению рода, поисков истины и истинного Бога требует также признания и уважения достоинства человека как разумного существа, созданного Творцом по своему образу и подобию. Это высказанное мыслителем положение о достоинстве человека, будучи фундаментальным принципом христианского гуманизма, в политико-правовом плане является одной из первых формулировок идеи неотчуждаемого естественного права человека. Отсюда следует, что государство и человеческий (позитивный) закон должны признавать и уважать достоинство человека. В соответствии с этим государство как политическая форма выражения общего блага призвано обеспечить людям достойные условия жизни, т. е. условия, соответствующие достоинству человека.

Опираясь на Аристотеля и других античных мыслителей, Фома Аквинский проводит различие между абсолютной и политической монархией. Он противопоставляет монархию тирании и признает право народа (с согласия церкви) на насильственное свержение тиранической власти. В этом признаваемом мыслителем (правда, с определенными церковно-религиозными оговорками и условиями) праве народа на восстание против тирании присутствует (хотя и в теологически приглушенной форме) идея народного суверенитета [2, с. 92].

Более отчетливо в эту эпоху суверенитет народа в своем светском учении о государстве и праве признавал и защищал Марсилиус Падуанский. Народ, по его мнению, – это источник всякой власти (и светской, и духовной), носитель суверенитета и верховный законодатель. Правда, под «народом» он имел в виду лучшую, просвещенную часть общества, которая печется об общем благе. Одним из первых в истории политической мысли мыслитель в работе «Защитник мира» обосновывает концепцию разделения в государстве законодательной и исполнительной власти на основе верховенства законодательной власти и связанности исполнительной власти обязательным для всех законом. На идею народного суверенитета опирается и выдвинутый им демократический принцип выборности всех должностных лиц и государственных институтов, включая монарха. Причем выборную монархию он считал более совершенной формой правления, чем наследственная монархия [2, с. 92].

Значительный вклад в углубление юридического понимания и толкования (с позиций естественного права) государства и действующего позитивного права внесли средневековые юристы (Г. Брэктон, Р. Луллий, Балдус и др.).

Идеи правовой государственности в Новое время развивались в русле достижений предшествующей политико-правовой мысли, прежде всего естественно-правовых представлений о свободе и правах человека, приоритете естественного права перед позитивным правом и государством, правовых формах и пределах осуществления государственной власти, разграничении властных правомочий различных органов государства и т. д.

В период перехода от феодализма к капитализму решающее значение приобретают проблемы политической власти и ее формально равной для всех правовой организации в виде упорядоченной системы раздельных государственных властей, соответствующей новому соотношению социально-классовых и политических сил и вместе с тем исключая монополизацию власти в руках одного лица, органа или союза.

Концепция разделения властей получила развитие в творчестве французского юриста Ш.Л. Монтескье. В работе «О духе законов» он писал: «Греки не составили себе правильного представления о распределении трех властей в правление одного; они дошли до этого представления только в применении к правлению многих и назвали государственный строй такого рода политией» [4, с. 116]. Поскольку, отмечает Монтескье, древние греки не знали «распределения трех властей в правление одного», то они не могли составить себе верного представления о монархии. Лучше, по его характеристике, обстояло дело с распределением трех властей в теории древнеримского государства, опыт которого используется в политико-правовом учении мыслителя [4, с. 117].

Существенная новизна позиции буржуазных мыслителей – приверженцев конституционной монархии и разделения властей (Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, И. Канта, Г. Гегеля и др.) состоит, в частности, в том, что в отличие от античных авторов они, говоря словами Ш.Л. Монтескье, рассматривают проблему политической свободы в ее отношениях как к государственному строю, так и к отдельной личности, гражданину.

Существенный вклад в развитие теории и практики правовой государственности внесли (под заметным влиянием идей Дж. Локка и Ш.Л. Монтескье) и такие деятели американской революции, как Т. Джефферсон, Т. Пейн, А. Гамильтон, Дж. Адаме, Дж. Мэдисон и др.

Идеи правового государства уже в конце XVIII в. нашли свое закрепление в таких официальных актах, как Декларация независимости США (1776), Конституция США 1787 г., французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. [4, с. 118].

Вехой в развитии идей правовой государственности стала их философская разработка в трудах Канта и Гегеля. При этом Кант выступил с философским обоснованием либеральной теории правового государства. Благо государства, по Канту, состоит в высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами, и стремиться к такой согласованности нас обязывает разум через категорический императив. Реализация требований категорического императива в сфере государственности предстает у Канта как правовая организация государства с разделением властей (законодательной, исполнительной и судебной). В соответствии с наличием или отсутствием принципа разделения властей он различает и противопоставляет две формы правления [3, с. 79]. Если у Канта правовые законы и правовое государство – это должностное, то у Гегеля они – действительность, т. е. практическая реализованность разума в определенных формах наличного бытия людей.

Человек, по Гегелю, свободен именно как духовное существо. Свобода людей и государственно-правовых форм их жизни – продукт длительного исторического развития, в процессе которого человек формирует себя самого в качестве свободной сущности и свой мир свободы, права и государства.

Право, по Гегелю, – это действительность свободы (или идея свободы), «наличное бытие свободной воли»; государство – это тоже право, а именно конкретное право, т. е. по диалектической трактовке наиболее развитое и содержательно богатое право, вся система права, включающая в себя признание всех остальных, более абстрактных прав – прав личности, семьи и общества [5, с. 226]. В этой диалектической иерархии прав государство как наиболее конкретное право стоит на вершине пирамиды. С этим связано гегелевское возвышение государства над индивидами и обществом, восхваление государства и чуть ли не его обожествление как «шествие Бога в мире». Все это подтверждает, что Гегель – этатист (государственник), но Гегель – правовой этатист, он обосновывает, восхваляет и обожествляет именно правовое государство, он подчиняет (не отрицая) права индивидов и общества государству не как аппарату насилия, а как более высокому праву – всей системе права. А «система права есть царство осуществленной свободы». Иными словами, Гегель философски восхваляет государство как наиболее развитую действительность свободы и права. В конкретно-историческом плане он как мыслитель начала XIX в. считал, что идея свободы достигла наибольшего практического осуществления именно в конституционной монархии, основанной на принципе разделения властей (государя, правительства и законодательной власти). Надлежащее разделение властей в государстве Гегель считал «гарантией публичной свободы». С этих позиций он резко критиковал деспотизм – «состояние беззакония, в котором особенная воля как таковая, будь то воля монарха или народа (охлократия), имеет силу закона или, вернее, действует вместо закона» [5, с. 228].

В целом вся гегелевская конструкция правового государства прямо и однозначно направлена против произвола, бесправия и вообще всех внеправовых форм применения силы со стороны частных лиц и государственных властей. Гегелевский этатизм радикально отличается от тоталитаризма всякого толка, который видит в организованном государстве и правопорядке своих прямых врагов и стремится вообще подменить правовой закон произвольно-приказным законодательством, а государственность – своим особым властно-политическим механизмом. И в гегелевском этатизме правомерно видеть не идеологическую подготовку тоталитаризма, а авторитетное философское предупреждение о его опасностях. Ведь тоталитаризм XX в., рассмотренный с позиций гегелевской философии государства и права, – это антиправовая и антигосударственная форма организации политической власти, рецидив механизма насилия деспотического толка, правда, в исторически новых условиях и с новыми возможностями, целями и средствами.

Осмысление гегелевской концепции государства в контексте опыта и знаний XX в. о тоталитаризме позволяет понять враждебную и взаимоисключающую противоположность между государственностью и тоталитаризмом. В этом смысле можно уверенно сказать: этатизм против тоталитаризма [3, с. 131].

При освещении истории учений о правовой государственности необходимо остановиться на юридикопозитивистских концепциях правового государства. Это направление в XIX–XX вв. представлено различными течениями и вариантами юридического позитивизма. К его известным приверженцам относятся, в частности, К. Гербер, А. Дайси, Г. Еллинек, Р. Иеринг, Н.И. Коркунов, П. Лабанд и др. Суть их концепций правового государства состоит в попытке создать ту или иную конструкцию самоограничения государ-

ства им же самим созданным правом. При этом отрицается различие права и закона, и право сводится к установлениям государства.

Такой тип понимания права и государства и связей между ними восходит во многом к Т. Гоббсу, который утверждал, что «правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена». Это же буквально повторяют и представители разных течений позитивизма: «всякое право есть команда, приказ» (Д. Остин); «всякая норма права – приказ» (Г.Ф. Шершеневич) и т. д. Государство – это та сила и тот первоисточник, который своим приказом порождает право, создавая при помощи своих актов из неправа право. Для приверженцев этого подхода все, что приказывает власть, есть право. И только это есть право. Эта позиция, по существу, игнорирует реальное различие между правом и произволом, свободой и насилием: очевидный произвол, насилие и зло, санкционируемые властями в той или иной форме (закона, указа, рескрипта, постановления, инструкции, циркуляра и т. п.), автоматически становятся правом. Права и свободы личности, общественных союзов и общества в целом с позиций такого подхода лишаются объективного и самостоятельного смысла и оказываются октроированными, дарованными сверху «благами» по прихоти и усмотрению властвующих; так же произвольно эти «блага» могут отбираться обратно.

Недостатки старого позитивизма в XX в. пытался преодолеть неопозитивист Г. Кельзен. Согласно его нормативистскому «чистому учению о праве» «всякое государство и есть правовое государство». При этом под «правом» имеется в виду именно позитивное право (закон). «С точки зрения последовательного правового позитивизма, – подчеркивал Кельзен, – право, как и государство, не может быть понято иначе, нежели как принудительный порядок человеческого поведения, что само по себе еще никак не характеризует его с точки зрения морали или справедливости. Тогда государство может быть понято в „юридическом смысле“ не в большей и не в меньшей мере, чем само право» [1, с. 27].

В концепциях представителей как старого, так и обновленного позитивизма речь, по существу, идет не о правовом государстве, а, скорее, о «государстве законов» или «государстве законности». Причем этим законам и законности, как и соответствующему государству, не хватает как раз главного – объективного критерия их правомерности и правового характера, их отличия от форм произвола и несвободы [1, с. 29].

Согласно либертарно-юридическому пониманию государства как правового явления и института любое государство – это правовое государство в том смысле, что всякое государство (в отличие от деспотизма, деспотического типа и формы правления) представляет собой правовую организацию публично-политической власти свободных индивидов (т. е. одновременно правосубъектных и государствосубъектных). Именно поэтому всякое государство (независимо от типа и степени его социально-исторической развитости) – это необходимая форма выражения, бытия и осуществления свободы людей. Тем самым либертарно-юридическая трактовка любого государства как правового принципиально отличается от словесно одинаково звучащей кельзеновской характеристики, поскольку под правом имеется в виду не любое произвольное установление (приказ) официальной власти (как у Кельзена и других легистов), а право в его различении и соотношении с законом, право как отрицание произвола, как принцип формального равенства в его нормативной (правовой закон) и институционально-властной (правовое государство) конкретизации и выражении.

Идеи правового государства на протяжении длительного времени занимали умы и российских ученых-юристов. Теоретическую завершенность русская концепция правового государства получила в произведениях видных правоведов и философов Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева, С.А. Муромцева, В.М. Гессена, Б.Н. Чичерина, Н.А. Бердяева и др. [6, с. 499]. Идеи правового государства в Российской империи развивались под воздействием западных демократических идей. При этом речь идет не только о традиционном влиянии на российскую политическую мысль, например, идей Вольтера, считавшего, что «чем больше законы, созданные по договору между людьми, приближаются к естественному закону, тем более сносна жизнь», или учений Руссо, Дидро, Локка, Гельвеция, Гольбаха или Монтескье. Большое влияние оказывали и «рядовые исследователи» государственно-правовой материи, развивавшие идеи правового государства [7, с. 434].

Формирование и развитие идей правового государства в рассматриваемый период осуществлялось в условиях сохранения сильной самодержавной власти, в противоборстве с идеями просвещенного абсолютизма. В сознании многих, в том числе и весьма просвещенных для того времени, людей по-прежнему доминировали автократические идеи о священности и неприкосновенности монархической власти, о единственном пути дальнейшего развития России через укрепление и совершенствование этой власти.

Идеи «просвещенного абсолютизма», в столкновении и противоборстве с которыми в России в рассматриваемый период зарождались и развивались идеи правового государства, доминировали не только в сознании значительной части российских подданных, но и материализовались в основной массе законодательных актов. Продолжало сохраняться «метаюридическое», по определению Котляревского, «право монарха спасти Россию». По-прежнему законодательно закреплялось и строго соблюдалось положение «особа государя священна и неприкосновенна», а сам монарх обладал огромной законодательной и исполнительной властью [8, с. 19–21]. В соответствии с Основными законами он являлся «держав-

ным вождем российской армии и флота», верховным «руководителем всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами», имел право объявлять войну и заключать мир, равно как и договоры с иностранными государствами, обладал полномочиями на «объявление местности на военном или исключительном положении» и т. д. [7, с. 435].

Однако в российском законодательстве и в научной юридической литературе рассматриваемого периода все большую популярность и значимость стали приобретать либерально-демократические правовые мотивы.

Формирование и развитие идей правового государства в России на рубеже XIX и XX вв. осуществлялось на фоне дискуссий о соотношении государства и права не только на современном этапе, но и на самой первой стадии их возникновения и развития. Опираясь на этот факт, Г.Ф. Шершеневич писал, что в юридической науке сложилось два противоположных мнения по поводу того, что является первичным, а что – вторичным: государство или право [9, с. 132].

Сторонники того, что государство исторически и генетически предшествует праву, рассуждают так: «норма права всегда есть не что иное, как требование государства. Государство, являясь источником права, очевидно, само не может быть обусловлено правом... государственная власть оказывается над правом, а не под правом. Государство есть явление первичное, право – вторичное. Такова теория первенства государства, на которой строится... определение права по признаку принудительности», – обобщал Шершеневич [9, с. 192].

Противоположного мнения придерживаются сторонники теории изначального первенства права над государством. Они считают, что государственная власть по своей природе носит правовой характер. В основе государственной власти лежит не факт, а право. Государство не может быть источником права, потому что оно само вытекает из права. Над государством находится право, которое его ограничивает и сдерживает.

В зависимости от того, какая в юридической науке и общественном сознании доминирует точка зрения, могут последовать и соответствующие далеко идущие практические выводы. В том случае, когда в официальных, правящих кругах господствует представление о том, что государство – это все или почти все, а право – ничто по сравнению с государством или почти ничто, то можно с полной уверенностью говорить о возможности наступления таких практических последствий подобного видения государства, которые неизбежно будут связаны с тоталитаризмом, авторитаризмом и т. д. Разумеется, нужно говорить не о правовом, а скорее, о противоположном ему по своему характеру государстве. В случае когда в теории и на практике будет преобладать принцип приоритетности права перед государством и его отдельными органами, с уверенностью можно будет говорить если не о правовом, то о весьма близко стоящем к нему государстве [7, с. 437].

Признаки перехода все большего числа российских юристов на рубеже XIX и XX вв. на позиции теории «первенства права» перед государством и государственной властью наблюдались и в других отношениях. Например, при оценке характера чрезвычайно-указного права. Котляревский отмечал, что исторически чрезвычайно-указное право «есть прямое наследие абсолютной монархии, где все волеизъявления главы государства могли иметь силу закона. Мы его находим по преимуществу в государствах с сильной монархической властью» [7, с. 438]. Неслучайно чрезвычайно-указное право действовало в тот период не только в России, но и в Австрии, Пруссии, Болгарии, Японии.

По мере изменения отношения к чрезвычайно-указному праву изменялось и оно само. Постепенно «суживалась сфера его применения», все больше подчеркивался его «чрезвычайный характер», создавались все более надежные гарантии против злоупотребления им. Отход от идеи незыблемости чрезвычайно-указного права и переход на позиции верховенства закона означают в тот период не что иное, как начало становления и развития в России идей правового государства. Последнее подтверждалось также тем огромным интересом, который проявился у отечественных ученых-юристов в рассматриваемый период к таким атрибутам правового государства, как принцип разделения властей, народный суверенитет, права человека и гражданина, отвлеченный анализ которых, по словам Котляревского, «решительно бессилён объяснить оказанное ими могущественное и действенное влияние, подъёмы глубокой веры и острого скептицизма, увлечения и враждебности, которые соединились с ними в вековых и массовых переживаниях» [7, с. 438].

Важное значение для развития идей правового государства в России имела разработка проблем гражданского общества и конституционного государства. Согласно бытовавшему в юридической литературе в начале XX в. мнению конституционное государство представляло собой «практическое осуществление идеи правового государства» [10, с. 69]. Ф. Кистяковский писал, что эта идея с давних времен теоретически развивалась в политических учениях, но только в конституционном государстве онашла в себе практическое выражение. Правовое государство при этом определялось как такое государство, которое в своих отношениях к подданным связано с правом, подчиняется праву. Другими словами, это такое государство, члены которого по отношению к нему имеют не только обязанности, но и права; являются не только подданными, но и гражданами [10, с. 68–71].

Одним из важнейших условий нормального функционирования правового государства в этот период считалось, да и сейчас считается, не только осуществление на практике принципа разделения властей, но и постоянное поддержание баланса властей. Особое внимание при этом обращалось на предотвращение наиболее часто встречающихся в политической жизни разных стран попыток узурпации всей государственной власти со стороны исполнительной власти. Гарантиями против такого захвата власти должно служить, по мнению Кистяковского и других авторов, следующее: во-первых, «право народного представительства ежегодно определять бюджет и численность армии», ставящее в зависимость от законодательной власти те «материальные и личные силы государства», которыми распоряжается исполнительная власть [10, с. 69]; во-вторых, ответственность министров перед народным представительством, выражающаяся в праве последнего делать им запросы, выражать свое мнение по поводу их действий и передавать их суду за преступления по должности (это во многих странах касается и главы государства, который может быть привлечен к ответственности парламентом за преступления по должности); и, в-третьих, право судебной власти «в конкретных случаях, подлежащих ее рассмотрению, проверять законность правительственных распоряжений и оставлять без исполнения распоряжения, несогласные с законом» [10, с. 70–71].

Кроме названных вопросов, касающихся концепции правового государства, в центре внимания российских ученых-юристов на рубеже XIX и XX вв. стояли и другие вопросы. Рассматриваемый период, вне всякого сомнения, был одним из самых плодотворных для исследователей в плане разработки идей правового государства.

Следующий этап развития идей правового государства – это период господствовавшей коммунистической идеологии. Он не отличался особой позитивной активностью. Скорее наоборот. В плане не только теоретической разработки, но и практического внедрения в жизнь идей правового государства данный период в советской государственно-правовой истории был шагом назад.

Официальное отношение к доктрине правового государства было сформулировано в докладе деятеля большевистской партии Л.М. Кагановича по случаю 12-й годовщины советской власти: «мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства... Понятие „правовое государство“ изобретено буржуазными учеными для того, чтобы скрыть классовую природу буржуазного государства» [11, с. 114].

Значительный шаг в развитии идей правового государства совершен в постсоветский период. Именно в это время были расширены политические права и свободы граждан, упразднена политическая цензура, сняты все ограничения с так называемых запретных, не всегда приятных для власти предрержащих тем. Во вновь принятой Конституции Беларуси были зафиксированы такие ассоциирующиеся с теорией правового государства принципы и положения, как принцип плюрализма в политической жизни и идеологии, верховенства закона, разделения властей и др. Наконец, нельзя не упомянуть о том, что в Конституции впервые в истории было закреплено положение, согласно которому государство представляется не иначе как социальное, правовое государство.

Обобщая новейшие достижения юридической науки и практики государственного строительства, профессор А.Ф. Вишневецкий выделяет следующие основные признаки правового государства: превращение государства в выразителя и защитника интересов гражданского общества; единственным источником государственной власти является народ; господство закона во всех сферах общественной жизни, отказ от примата государства над правом; незыблемость свободы личности, ее прав и свобод, чести и достоинства. В юридической литературе последних лет называют и другие признаки правового государства [11, с. 111–115].

Решающей социально-экономической предпосылкой правового государства является наличие развитого гражданского общества [6, с. 502–503]. Правовое государство предполагает наличие гражданского общества, которое в самом общем виде представляет собой такую ступень общественного развития, которая характеризуется развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, разнообразием форм собственности, незыблемостью прав и свобод человека, развитым самоуправлением, независимостью средств массовой информации. Вся эта совокупность отношений развивается относительно независимо от государственной власти. Гражданское общество – открытое, демократическое общество, в котором главное место занимает человек, гражданин, личность.

В плане совершенствования и реализации конституционной модели правовой государственности – с учетом опыта и нынешнего пути к конституционализму и правовой демократии – наиболее сложной остается проблема разумного сочетания исполнительной власти с надлежащей представительной властью, полномочия которой соответствовали бы смыслу, идеям и требованиям разделения властей и правовой государственности.

1. Правовое государство, личность, законность / Н.В. Варламова [и др.]. М. : Изд-во НИИ правовой политики и проблем правоприменения РПА МЮ РФ, 1997. 138 с.
2. Керимов, Д.А. Основы учения о праве и государстве / Д.А. Керимов, Д.В. Шумков. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2008. 320 с.
3. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. М. : НОРМА – ИНФРА, 2002. 552 с.

4. Матузов, Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М. : Юристъ, 2004. 512 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Философия права : пер. с нем. / Г.В.Ф. Гегель. М. : Мысль, 1990. 524 с.
6. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского. М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. 640 с.
7. Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. М. : Проспект, 2004. 640 с.
8. Шелкопляс, В.А. Концепция правового государства в юриспруденции начала XX века (по трудам С.А. Котляревского) / В.А. Шелкопляс // Проблемы формирования правового государства в Беларуси : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кучинского. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1994. С. 18–28.
9. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. Рига : Д. Гликсман, 1924. 798 с.
10. Кистяковский, Б. Государственное право (общее и русское) / Б.А. Кистяковский // Философия и социология права. СПб. : РХГИ, 1998. 728 с.
11. Вишневский, А.Ф. Основные признаки правового государства в современной юридической науке / А.Ф. Вишневский // Демократическое социальное правовое государство – основной вектор развития Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф. / под. ред. В.Г. Голованова. Минск : Изд-во «Белорус. Дом печати», 2009. С. 110–115.

Дата поступления в редакцию: 05.11.13

***M.A. Yurochkin**, PhD of law, head of the chair of civil law and procedure of Russian State Social University a branch in the city of Minsk of the Republic of Belarus*

DEVELOPMENT OF IDEAS OF LAW IN HISTORICAL AND LEGAL THOUGHT

In terms of the expression of ideas first legal state they appeared in the ancient world, and in theory the data doctrine emerged during the transition from feudalism to capitalism and the emergence of the new system.

Keywords: Jurisprudence, legal education, the ancient state, Roman law, ancient heritage, the rule of law, civil society.